

Содержание

ОБ АВТОРЕ.....	6
О КНИГЕ.....	7
ГЛАВА 1.....	9
Хоть наизнанку вывернись.....	10
Семь лет в декрете.....	12
Тот еще тип.....	16
Беспорядочные связи.....	19
Сплошное свинство.....	22
С утками напролет.....	25
Сказка сказывается.....	27
Ораторское искусство.....	30
Контрольная работа.....	36
ГЛАВА 2.....	41
Все, закругляемся.....	42
Сила родов.....	46
Сомнительное удовольствие.....	46
Песни и пляски.....	51
Давай колись.....	55
Жили не тужили.....	58
Приняла на грудь.....	66
Повторение пройденного.....	70
Про семки, фею и дедов юбилей.....	70
Про врача, акушерку и распрекрасный роддом.....	72
Про хомячков, кукушек и неудобные матрасы.....	75
Про клизму, пальчики и клозетную шавасану.....	82
Про крабов, дирижабли и покакать.....	86
Про ужин, дипломы и инопланетян.....	89
Кто как обзывается.....	94

ГЛАВА 3	99
Двойные стандарты	100
Сами это заварили	104
И не друг, и не враг, а брат	107
Деление без остатка	110
Свела счета	112
Погода в доме	114
Совсем допекли.	117
Вторичное использование	119
Какая разница	121
Годовая оценка	127
Роли дублировали.	132
ГЛАВА 4	135
Эпоха романтизма	136
Нашел свою половинку	140
Отличные родители	142
Сплю и вижу	145
Страсти-мордасти.	147
Начинающий всадовод	149
Мой непутевый	152
Все пропало	153
Копировать папку.	155
Звери какие-то	157
Добром не кончится	162
ГЛАВА 5	167
Из той же оперы	168
Влип по уши.	170
Идентификация Борна.	175
Ну что ты надулась	178
Я так не играю.	181
ГЛАВА 6	185
Заводи моторику.	186
Материнская плата.	188

Содержание

Ты у меня попляшешь	190
Слов не хватает	194
Похвальная грамота	196
Первые про_писи	198
Переведи бабушку	200
ГЛАВА 7.	203
Садом наперед	204
Учебная тревога	207
Все равно тебе водить	209
Ой, не говори	213
Большая перемена	216
Кольшется чат	219
Идеальные поделники	221
Опытным путем	223
ГЛАВА 8.	229
Дело выгорело	230
Осталась на донышке	238
Центр внимания	242
Добро пожаловать	245
Реабилитировалась в ваших глазах	248
Пытают нежные чувства	252
Снова здорова	256
Разрешите обратиться	261
Носом чую	265
Дай папу	267
Пусть мама услышит	271
Пункты помощи	273
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	280
БЛАГОДАРНОСТИ	284

ОБ АВТОРЕ

Меня зовут Настя, фамилия Красавчикова. Это я не придумала, это из-за мужа всё. Родилась в Бангладеш. Это я тоже не придумала, если б придумала, был бы, скажем, Париж.

По образованию экономист, но в душе законченный гуманитарий, поэтому запорол следующий пункт про возраст. Февраль 86-го — это сколько получается? Короче, где-то семнадцать с небольшой погрешностью.

До сдекречивания была редактором журнала *Cosmopolitan*, но график так же не совместился с двойным материнством, как памперсы с глянцем, поэтому самоустранилась. Иногда, однако, посещают фантомные авторско-редакторские боли — и тогда я что-нибудь пишу. Предусмотрительно родила себе два неиссякаемых информационных повода, Тёма и Алиса называются, которые хочешь — интригу подкинут, хочешь — расследование, а лучше всего скандал.

Книгу вот написала. Она — мой первенец, так что в каком-то смысле вы только что приняли роды и теперь заботливо держите ее на ручках. А я, смахнув увесистую слезу счастья, могу наконец приложить ее к груди.

...Простите — забываясь, иногда перехожу на материнский.

Чего хотела сказать-то. Очень рада нашему знакомству!

Ой и да, со мной на «ты». Мне ж семнадцать всего. С небольшой погрешностью.

О КНИГЕ

Когда-то давно, как только я начала работать в журнале, друзья тут же причислили меня к лику Кэрри Брэдшоу и констатировали, что теперь мне непременно нужен мужчина мечты, три подружки, ноутбук с яблочком и собственная колонка. Гардеробную с туфлями еще и пить коктейли из красивых бокалов.

Мужчина мечты у меня к тому времени уже имелся, ноутбук, без яблочка, правда, но всё равно любимый — тоже. Остальное приложилось позже и несколько в иной интерпретации: вместо трех подружек появилось двое детей, вместо колонки об отношениях в журнале — посты о материнстве в Инстаграм, вместо гардеробной с туфлями от Маноло Бланик — галошница с кедами от Кого Попало, вместо коктейлей сначала был кефир, потому что ГВ, а теперь вино, потому что нервы. Так что можно считать, что я вся — несколько иная интерпретация Кэрри Брэдшоу с Манхэттена. Клара Брашопова из Зябликово, рашн эдишн.

Продолжая тянуть мою усталую параллель с успешной параллелью героини культового сериала, друзья и муж (а теперь еще и целых четыре тысячи тридцать шесть подписчиков) стали требовать с меня книгу. Мол, вон эта-то колонка свои в стопочку собрала и издалась, а у тебя постов на трехтомник уже накопилось, надевай давай пиджак на босо тело, туфельки с ленточками и шуруй на обложку фоткаться.

Постов и правда накопилось много — блог стал своеобразным дневником моего материнства с самого его начала, моим личным психотерапевтом, я туда приходила, чтоб вместе порадоваться, когда было очень хорошо, и влезть кому-нибудь на ручки, когда было очень плохо. Плюс, в черновиках томилось много недописанного и неопубликованного, через краешки уже вываливаться начало.

Однако перед тем как капитулировать и самой поверить, что я способна на книгу, годами отчаянно сопротивлялась, отбиваясь от всех своим внутренним самозванцем:

— Да перестаньте, о чем полезном я могу поведать миру?! Я же абсолютно ограниченный материнством человек!

— Как раз о материнстве и поведай. О детях, о своих буднях.

— Так это ж будет... ни о чем!

— О своем ни о чем и пиши, у тебя хорошо получается.

Поэтому вот.

Это будет книга ни о чем.

Ни о чем и о самом главном.

ГЛАВА 1

ХОТЬ НАИЗНАНКУ ВЫВЕРНИСЬ

Скажите, на вас часто смотрят как на идиота? На меня последнее время — да. Последние лет семь. Потому что сколько умное лицо ни строй, вопрос: «Простите, а у вас есть вывернушка?» всё равно не оставляет никаких шансов.

У нас имеется некая жмотско-вымогательская традиция: каждую пятницу дарить Тёмке подарок за то, что он неделю без скандалов отходил в сад. Вымогательская — потому что каждую пятницу. Жмотская — потому что мы туда, в красивый пакетик, складываем всё, что нормальные родители детям покупают просто так. Однажды сестра моя зашла, Тёма ей навстречу вылетает, счастливый такой, и радостно вопит: «Ира-а-а! Смотри-и-и, что мне мама с папой подарили-и-и! Зубную па-а-асту-у-у!» Сестра сначала с состраданием посмотрела на Тёму, потом с недоумением на меня: «Да... — говорит, — строго у вас...»

Иногда, впрочем, могу расщедриться на какую-нибудь недорогую фиговину из рекламы, о которой Тёма «о-о-о, всю жизнь мечтал!», хоть и видит первый раз. Именно по этой схеме в пятничный подарок однажды мне была заказана вывернушка.

Сейчас отключите на минуту воображение, я поясню, что это, со слов Тёмы. «Это такая зверушка, которую наизнанку выворачиваешь — и получается другая. Ну например, есть у тебя котик. Ты его наизнанку выворачиваешь — и получается бегемот». Всё, включайте. Я вот воображение не выключила, и оно очень живо нарисовало мне процесс выворачивания котика наизнанку так, чтоб из него получился бегемот. Но я вопрос изучила, — всё оказалось

не так страшно и не через то место, как я себе представила, да и стоила эта живодерская забава вполне приемлемо — рублей двести, что ли. Посему в конце первой рабочей недели после новогодних праздников я заявила в «Детский мир» с уверенным вопросом: «Простите, у вас есть вывернушка?» А продавщица, судя по припухлости лица, не до конца еще от вывернушки посленовогодней оправилась. Прохлопавшись глазами, она посмотрела на меня, вот как раз как на идиота, и спросила: «Че-е-ево-о-о?» — «Вывернушка», — повторила я таким тоном типа «Чеблин, правда не знаешь, что ли?!» Но вижу — правда не знает. «Ну это такая зверушка, которую наизнанку выворачиваешь и...» — «Нет! — прервала меня чуть позеленевшая продавец с очевидно хорошим воображением. — Такого нам еще не привозили...» И чуть слышно добавила: «Надеюсь, и не привезут».

А однажды я искала дедушку Асбера — старательно запомнила, что что-то про дедушку и Сбер. Все человечьи фигурки в магазине перерыла и, пока рыла, всё думала, на хрена нам игрушечный дед. А оказалось, это оранжевый самолет. «Альберт, а не Сбер», — пояснила продавец, глядя на меня как на идиота.

Еще я как-то пришла за поездом из мультика. Точно знала, как он выглядит, и мультик смотрела, но когда в магазин зашла, название из головы вылетело напрочь. Прошарила глазами все полки — нет нужного. Тут как раз подоспела продавец. «Что-то конкретное, — спрашивает, — ищите?» — «Да, — говорю, — паровозик из мультика... даже не знаю, как объяснить...» Дальше я долго думала, а продавец терпеливо ждала. «Ну такой... ну у него еще лицо такое... суицидально-депрессивное». Не, ну я правда не знала, как еще

объяснить. «А! Томас и друзья! Пойдемте!» И вот тут я не поняла: то ли я была не первая, кому понадобился суицидально настроенный паровозик, то ли встретились два идиота.

А недавно я искала киоск. Не игрушечный, всамделишный киоск в масштабе 1:1 с настоящей тетенькой внутри, потому что ребенок грезил какой-то липкой хренью из рекламы, а в рекламе сказали: «Ищите в киосках за 129 рублей». А где искать киоски, в которых искать липкую хрень за 129 рублей, не сказали. А их меж тем, оказывается, поносили все. Один киоск мы всё же случайно нашли — Алиса очень кстати впилилась в него на самокате. Не обманули, и правда 129 рублей. Купили, подарили, Тёма был счастлив. Прибегает: «Мам! — кричит — Мам! Подставь руки!» А я ж доверчивая, я подставила. И вот даже не знаю, ЧТО посоветовать вам отключить на этот раз. Потому что то, что он вывалил мне в руки, вот это вот желто-зеленое, как будто кто-то очень добросовестный неделю собирал мокроту на анализ в красивую баночку и заработал на этом 129 рублей... Короче, тут уже со мной чуть не случилась вывернушка, и я еле сдержалась, чтобы не сделать еще одну липкую хрень прямо на полу в коридоре. Бесплатно.

СЕМЬ ЛЕТ В ДЕКРЕТЕ

Семь лет.

Прикиньте.

Семь лет я в отпуске.

В отпуске!

Британские ученые не тем, конечно, заняты — им бы найти того, кто изобрел словосочетание «декретный отпуск» и научно обосновать, что он debil.

За это время я успела два раза родить, набрать в общей сложности 38 кг (то есть еще чуть-чуть, и я бы наела еще одну себя), два раза походить с эффектной грудью (мне, кстати, к лицу), и два раза сходить на маникюр. Нет, вру — на маникюр один.

Я сделала много открытий: что микродетальки лего обязательно покрывать собственной эмалью, отцепляя их друг от друга зубами, — есть специальная штука; что Коржик, Карамелька и Компот — это кошачьи дети, а не поесть и запить; что «Кинетический песок — песочница у вас дома» — это не слоган, это предостережение.

Я стала мудрее: подписываю формочки для песочницы, потому что их тырят, и не покупаю детям кроссовки с рифленой подошвой, потому что собачье г-но из нее можно выковырять только зубочисткой.

Я знаю, как устроен чайник, потому что смотрю «Фиксиков», и что не так уж страшны песни Бузовой, потому что слышала «Синий трактор». Знаю, как делать зайца из втулки от туалетной бумаги, снеговика из носка и морду кирпичом, когда в саду опять для чего-нибудь нужны родители-активисты. Знаю, как сожрать конфету при детях, чтоб они не заметили.

Но самое главное знание за последние пару лет, да что там — за всю мою сознательную жизнь, снизошло на меня буквально несколько дней назад благодаря Тёме.

— Мам, — говорит, — я «Киндер» перед ужином есть не буду, дай мне желток только.

— Какой желток?

— Ну желток, с игрушкой внутри.

Я прям вот так, держась, простите, за яйцо, впала в кратковременную кому.

Желток.

Эта капсула, контейнер, желтая штука — это желток. Желто-о-ок! Я будто в забвении была все свои тридцать с лишним лет, а тут мне открылась Истина. Это желток, блин! Желток, понимаете?! Потому что «Киндер» — яйцо! Пугающе логично, очевидно и неожиданно. Ка-а-ак я не додумалась до этого раньше? Чем был занят мой ум все эти годы?!

На самом деле непонятно, почему нас заранее всему этому не учат. Ну или хотя бы не предупреждают. Не про желток, а вообще. Почему есть институт культуры, международных отношений, строительный — и везде всё серьезно: с зачетами, сессиями и «корочками», а институт семьи — это что-то абстрактное, сюда нельзя прийти и хотя бы в теории прослушать о том, что тебе предстоит. *Как строить семью, налаживать отношения и остаться при этом культурным человеком — этому же не научат ни в строительном, ни в культурном, ни в МГИМО.* Да, сейчас полно курсов, где рассказывают, как правильно дышать в родах и как подгузник надеть. А что дальше делать со всем, что ты надышал и со знанием дела теперь можешь запихнуть в памперс, не рассказывают. Нет, это, конечно, тоже очень нужно уметь, но фокус всё равно не на том, потому что рожает в муках ты в среднем сутки, а воспитываешь в целом всю жизнь. Тоже периодически в муках.

А ведь правда, полноценный же институт мог бы получиться, со своими кафедрами и факультетами, выпускал бы подготовленных (хотя бы морально) специалистов в сфере управления всем этим семейным предприятием.

Там, например, обязательно была бы кафедра антикризисного менеджмента — потому что столько кризисов, сколько ждет в материнстве, ни один СССР не видел, а разруливать всё это придется самим.

Биофак с элементами психиатрии — потому что первые полгода предстоит пристально разглядывать какашки, и нужно точно понимать, всё ли в порядке у ребенка со стулом, а у тебя с головой.

Философский факультет: первые пару лет вы будете непрестанно задаваться фундаментальными вопросами «Что делать?», «Как быть?» и в целом размышлять о своем теперешнем бытии, а году примерно к третьему научитесь философски ко всему относиться и поменьше рефлексировать.

Факультет анализа данных — потому что как только перейдете к практике, вам предстоит вечно что-то анализировать: а достаточно ли хорошая я мать, а всё ли я делаю правильно, не слишком ли холодно/жарко/горячо/солено/сладко/а может, бабушка все-таки права?

Специалист по связям с общественностью — потому что когда ты родил, а все друзья еще нет, надо быть настоящим специалистом, чтобы удержать с общественностью хоть какие-то связи.

Стратегический менеджмент еще строго обязательным предметом. Придумывать стратегии, управлять, подстраиваться, манипулировать, договариваться, уговаривать, искать компромиссы — прожиточный минимум для родителя. Не выжить без этого в родительстве то есть.

Военную кафедру еще надо, пограничников воспитывать — вам предстоит отвоевывать личные границы, и хорошо бы научиться этому заранее.

Ну и курсы сомелье, факультативно. Пригодится.

А может, как часто бывает, пока учишься, поймешь, что это вообще не твое. Послушаешь лекции плотно практикующей матери-доцента про колики, зубы и какую-нибудь, скажем, лактазную недостаточность в качестве задачки со звездочкой — и сольешься на первой же сессии. Подумаешь: ну на фиг весь этот родительский хардкор, мне б че попроще, пойду вон лучше в рудокопы.

Самые отчаянные, однако ж, а еще те, кому помогали будущие бабушки и дедушки, вкладываясь всем своим «Ну когда уже внуки?», доучатся и выпустятся по общему направлению «родитель». А дальше уже будут более узко специализироваться по ситуации.

ТОТ ЕЩЕ ТИП

Пока моя идея с институтом прошла лишь первое чтение (вами вот только что), молодые родители выкручиваются как могут и выбирают себе специализацию на ощупь. Как следствие, сейчас появилось столько модных веяний: ну, знаете, мама, которая не парится, мама-путешественник, мама на ПП. Почетнее всего, по моим наблюдениям, быть пофигистом, и многие мамы усердно убеждают

окружающих и себя, что она — это именно он. Пофигист в смысле. «Ой, да мне вообще по барабану — хочет — ест, не хочет — не ест! А? Что? Зачем сальто перед ним делаю с ложкой в руках, приговаривая: „Смотри-и-и, ту-ту-у-у, едет паровозик, открывай скорее ро-о-отик“? Так это хобби у меня такое». «Что, в луже сидит? Ой, да пусть сидит, я не парюсь вообще, ребенок рад, ко мне не лезет и ладно». И сидит такой ребенок в луже, рад, не лезет, в гидрокостюме с подогревом и воском предварительно натертый — и ладно. Я вот тоже стараюсь следовать тенденциям и быть мамой-пофигистом. Но нет-нет да сальто с ложкой каши крутану.

Из менее модного — у нас во дворе, например, есть мама-реанимобиль. Вой ее сирены слышен издалека, и ты сразу к обочинке жмешься, чтобы она скорее мимо проехала и умчалась вдаль. У нее трое детей — старшей лет пять, следующему года три и один в коляске еще. Она постоянно истошно на них орет, а с земли может поднять не уговорами, а тупо за косу. Средний одно время очень отчетливо в песочнице говорил «б*ять», когда не получался куличик. Мама тут же подхватывала: «Пять, правильно, пять!» И поясняла в воздух: «У нас просто номер дома пять, ему цифра нравится», а не то что всем послышалось. Когда я еще была просто яжмать, а Тёма — пупси-ком, который безропотно ковырял лопаткой песочек, каждый раз мысленно лишала ее родительских прав. И, как и положено любой уважающей себя яжматери с высокими моральными принципами и точными представлениями о том, как надо, с презрением на нее смотрела и думала: «Боже, какой ужас».

А потом я еще раз родила.